

ОЛЕГ
АГРАНИЦ

ВАЛЮТНЫЙ
ИЗВОЗЧИК

Мефистофель возвращается

Олег Агранянц

Валютный извозчик

«Accent Graphics communications»

2013

Агранянц О.

Валютный извозчик / О. Агранянц — «Accent Graphics communications», 2013 — (Мефистофель возвращается)

Остросюжетный роман «Валютный извозчик» – первая книга трилогии «Мефистофель возвращается». Евгений — значит благородный. Любимое имя Пушкина. И неслучайно героя романа Олега Агранянца тоже зовут Евгений. Да, он благороден и честен, порой даже немного наивен. И эти его черты удивительно точно сочетаются с тайной — своеобразным знаком Зодиака Евгения Лонова. Он на службе у ее величества Тайны и призван как можно шире открывать ее завесы, срывать ее покровы, постигать ее глубины, ибо он — служитель разведки конца XX века. Однако он настолько обаятелен и самобытен, настолько человечен и остроумен, что ни в какие привычные рамки образа разведчика не вписывается. Он царит в мире приключений, очаровывает женщин и очаровывается ими, идет по загадочному следу и выступает в роли режиссера и главного исполнителя небольших спектаклей, призванных нокаутировать противников... Он хитрец, фантазер и мастер своего дела. А именно таких любит ее величество Тайна. Женщина по природе, подлинная интриганка, она благоволит к тем, кто умеет найти к ней свой подход. И дарит им разгадки. Хотя Евгению Лонову даются они не так уж просто, зато как изумителен вкус победы!

© Агранянц О., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1. В путь	5
2. Кузякин	6
3. Колосов	8
4. Вербин	9
5. Габонский рудник	11
Глава вторая	15
6. Болтовский	15
7. Филин	16
8. Любезная Солоха	19
9. Валеро	21
10. Гоголь	24
11. Болтовский	25
12. Неожиданная телеграмма	27
13. Аэропорт	28
Глава третья	30
14. Париж	30
15. Кики	31
16. Топалов	32
17. Кики	35
18. Лида	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Агранянц
Валютный извозчик
Первая книга трилогии
«Мефистофель возвращается»

Часть первая
Габонский рудник

Что для одних подвиг, для других статья в Уголовном кодексе.

Глава первая
У каждой дороги есть начало

Началось всё в смутное горбачевское время с просьбы перевезти небольшую коробку...

1. В путь

В темной, пропахшей старыми бумагами комнате меня ждала обложенная ведомостями дама.

- Моя фамилия Лонов.
- Вы в Конго и Швейцарию?
- Да, сначала в Конго, потом в Швейцарию.

Ей заблаговременно позвонили и у нее на столе уже лежал документ, удостоверяющий, что «советник Министерства иностранных дел Лонов Евгений Николаевич командирован Министерством в Конго и Швейцарию сроком на десять дней».

– Теперь вам надо подписать удостоверение у главного бухгалтера. Вы знаете, где его кабинет?

Да, я знаю.

Процедура получения командировочных документов не менялась, наверное, со времен царского МИДа; я передвигался по кабинетам почти автоматически. Сначала – узкий и тесный, как купе железнодорожного вагона, кабинет главного бухгалтера, высокого худого блондина. Тот, поздоровавшись кивком, не выразил удивления по поводу столь странной географии командировки. Видавший и не такое, он догадывался, какой я советник МИДа.

– Счастливого пути.

Около холеного милиционера я позвонил по внутреннему и через две минуты услышал сверху уверенный женский голос: «Товарищ Лонов, пройдите в кассу Аэрофлота». Минуту очередь по меньшей мере из двадцати человек, я прошествовал в кассу, и через десять минут у меня в руках был билет Москва – Браззавиль – Женева – Москва. Я уже собирался выходить из закутка, где размещалась касса, как в дверь просунулась дама из общей комнаты:

– Вас разыскивает какой-то Колосов. Просит, чтобы вы подождали его у входа в здание.

Экстренная встреча с непосредственным начальником за день до отлета ничего хорошего не предвещала.

Через пару минут я уже прогуливался мимо здания Генштаба. Оттуда выскакивало такое количество не обращающих ни на кого внимания генералов и с таким количеством звездочек на погонах, что проходивший мимо явно иногородний солдат, за всю свою воинскую жизнь выше полковника никого не выдавший, долго и ошалело маршировал с открытым ртом и прилипшей к виску рукой.

Черная «Волга» с мигалкой и дополнительными фарами остановилась около дома с мемориальной доской, сообщавшей, что когда-то здесь собирались декабристы. Ни меня, ни сидевшего на заднем сиденье Пискунова, помощника моего непосредственного начальника, декабристы не интересовали.

– Ты – как колобок, Колосов тебя по всей Москве ищет.

– Что случилось? Рязанская губерния отделяется от России?

– Шутить будешь у него в кабинете. Из ЦК звонят. Ты, конечно, к ним не удосужился...

– Да вроде бы...

Обязательное в былые годы правило перед заграникомандировкой беседовать в Международном отделе ЦК было отменено к общей радости с приходом Горбачева.

– Надо зайти. Кузякин тебя ждет. У них там для тебя поручение.

– Какое?

– Не знаю. Но сразу после него – к начальству.

Хоть и времена теперь другие, но в ЦК партии без партбилета не пустят. Придется ехать домой, а если ночью улетаешь на край света, то час в пробках воспринимаешь как личное оскорбление.

2. Кузякин

Войдя в вестибюль Международного отдела, я протянул партбилет упитанному охраннику с капитанскими погонами. Тот партбилет взял, посмотрел, уплачены ли взносы, потом передал другому охраннику, такому же упитанному, но с погонами майорскими. У обоих были открытые и волевые лица людей, готовых прямо сейчас здесь же отдать жизнь за родину.

– Вы к товарищу Кузякину? – спросил первый охранник.

– К нему.

Второй охранник тщательно сличил фотографию на партбилете с моей физиономией, вернул документ первому, тот тоже тщательно сличил фотографию с физиономией – у нас в отделе эта процедура называлась «проверка морды лица на идентичность с фотографией» – потом вложил в партбилет розовый разовый пропуск и протянул мне:

– Проходите, Евгений Николаевич.

За те полгода, что я не был в Международном отделе, внешне там ничего не изменилось: те же старинные лифты с массивными деревянными дверями, которые по старинке надо открывать самому, и металлическими решетками, отполированными до корабельного блеска, те же блекло-кирпичные с цветочками ковровые дорожки в бесконечных петлявых коридорах, те же молодые люди с прическами, будто слепленными у провинциального скульптора, те же неопределенного возраста, на одно лицо секретарши.

Дверь кабинета Кузякина оказалась открытой настежь: внутри двое рабочих в синих комбинезонах красили потолок. Пришлось идти в секретариат.

– У Кузякина ремонт, – виновато развела руками дама в очках, одетая не то под Крупскую, не то под Фанни Каплан. – Он временно в кабинете заведующего. Найдете?

– Найду.

Кузякина знал я целую вечность. Познакомились давно, в Алжире, когда только начинали: я – в посольстве по своему ведомству, Кузякин – в Союзе обществ дружбы. И всегда отношения были, как принято говорить, на уровне «надо бы выпить». Что и делали.

Увидав меня, Кузякин радостно вскочил из-за стола.

В последний год он отпустил густую дремучую бороду под Мамина-Сибиряка – дерзость, некогда немислимая для функционера ЦК – и теперь на фоне коллег выглядел как бы в форме другого полка. Впрочем и раньше он любил побравировать чем-нибудь, не вписывающимся в порядки Международного отдела, хотя всегда оставался самым типичным аппаратчиком, но из категории веселых, «своих в доску»: неизменно в отличном настроении, готовый сообщить самую последнюю новость, не делающий пакостей, если начальство не очень заставляет, обязательно помогающий, если это для него не слишком обременительно, и при всех обстоятельствах советующий: «Главное, старик, не бери в голову».

Сегодня Кузякин был настроен на философский лад:

– Не могу понять, почему ты пошел в пинкертоны!

– Когда в большом кабинете настойчиво говорят хорошие слова, отказаться можно только с переходом в эндшпиль при потере качества. А вообще-то, раз уж приходится жить в аду, то лучше быть чертом с хвостом, чем грешником на сковороде.

– Это ты прав. В историческом смысле. Только теперь за наши с тобой ведомства не очень-то держатся.

– Не очень. Но уходят пока единицы.

Кузякин не стал возражать:

– Верно. Хотя... Читал, у кошек есть особое чутье? Чувствуют приближение землетрясения и прячутся.

– Чепуха! – У меня в отделе про бегущих от землетрясения кошек устали говорить еще в прошлом году.

– Просто их кто-то вовремя информирует, этих кошек.

– Верно, – снова согласился Кузякин. – Дело не в чутье. Чутье хорошо, когда нужно сориентироваться в текучке. Ты играл в школе в морской бой? Так вот. Сейчас задача – так спрятать линкоры в пять клеточек, чтобы никто их не накрыл. Понял? А есть линкоры, которые норовят уплыть, пользуются мутной водичкой. Их надо, старик, направить по хорошему адресу.

– У нас свои линкоры, у вас свои.

– Это верно.

– Я как-то далек от этих линкоров. Большие деньги не мой профиль.

– Не скажи. Сегодня так, завтра по-иному. Времена, сам знаешь, какие!

Утверждая, что большие деньги – не мой профиль, я лукавил. С крупными суммами мне приходилось иметь дело часто. И Кузякин это прекрасно знал.

– У меня к тебе просьба. Не задание, а просьба. По старой дружбе. Хотя, конечно, согласованная... В Браззавиле надо взять одну штучку и отвезти в Женеву. Понимаешь, когда я услышал, что ты летишь по этому маршруту, сразу к начальству. Такое совпадение... Ты полетишь с дипкурьерским листом?

– Да.

– Вот видишь. Отвезешь одну мелочь. Коробочку. Тебе ее передаст в нашем посольстве в Браззе секретарь парткома. А в Женеве надо найти банк «Люмме и Корпкс». Знаешь такой?

Такого банка я не знал.

– Найдешь. Понимаешь, посылать еще кого-то, когда ты летишь по такому маршруту с диппаспортом и дипкурьерским листом! У тебя в банковских кругах есть люди? Только не темни. Сейчас уже никто не темнит.

Я предпочел уклончивый ответ:

– Нет. Но могут быть.

– Вот это уже разговор. Надо положить коробочку на номерной счет... Да не волнуйся, с твоим начальством согласовано.

– Что за банк?

– Обыкновенный. Запомни адресок: 64, улица дю Рон. Если спросят документ, предъявишь диппаспорт. Но документ не спросят. Откроешь счет, номерной. Попросишь бокс, положишь коробку в бокс – и всё. Считай, задание партии выполнено. Была бы страна родная и нету других забот.

– Кто мне в Браззе даст эту коробку?

– Пичугин. Андрей Иванович Пичугин. Секретарь парткома. Знаешь такого?

– Нет.

– Хороший парень. Твердый. Илья Муромец.

Спрашивать, что в коробке, было бесполезно, все равно не скажет или соврет. Но все-таки?

– Это задание что-то вроде отвода линкоров?

– Знаешь, чем партия отличается от твоей конторы? У вас дали задание, ты выполнил и никогда не узнаешь, что это было. А у нас: дали задание, выполнил, и потом полная о нем информация.

Он посмотрел на часы:

– Ах, жалко, поздно узнал, что ты туда летишь. Вернешься, позвони. Поговорим по кадровому вопросу. А про кошек ты верно...

3. Колосов

Через полчаса я входил в кабинет своего непосредственного.

– Ну что, убедил тебя Кузякин перевезти его коробку? Я вообще был против, но раз ты согласился...

Я хорошо знал этот прием Колосова – в отделе его называли «облечь приказ начальства в личное желание подчиненного» – знал и каждый раз попадался.

Где-то совсем рядом с окном протарахтел вертолет.

– Черт знает что! – взорвался Колосов. – Разлетались! И низко.

– Если низко, то к плохой погоде, – спокойно прокомментировал я.

Колосову сегодня было не до шуток:

– А сейчас хорошей не жди. Ты знаешь что... коробку эту надо перевезти. В конце концов, тебе ее не на себе таскать. Да и она легкая.

Я уже смирился с необходимостью перевезти коробку. Но побрюзжать стоило:

– А меня и так уже в отделе зовут «валютным извозчиком». Скоро подарки к Новому году развозить начну.

– Не ворчи.

– Что там в этой коробке? Секрет?

– А ты как думал?!

– И все-таки?

– Сам сообрази. Что везут из Конго в Женеву?

Загадка для непосвященных.

– Алмазы. Нешлифованные. Из Катанги.

– Видишь, догадался.

– А ты точно знаешь, что алмазы? Может, там какие-нибудь урановые штучки? С них станется.

– А тебе-то что?! От жены сбежал, живешь один, тебе надо плоть усмирять... Да нет, откуда у них уранье! Алмазы. Вот только... Какой банк он тебе назвал?

– «Люмме и Корпкс».

– Знаешь такой?

– Знаю, где находится, и больше ничего.

- Дело в том, что этот банк, если мне память не изменяет, у нас засветился. И прочно.
- Давно? На чем?
- Давно. Но когда и на чем, точно не помню. Тебе надо перед отъездом повидать Вербина.

Он когда-то занимался этим банком.

Тратить драгоценные минуты последнего дня на пустопорожние беседы я не собирался. Надо было отбиваться:

- Времени у меня в обрез. Да и Вербин, почитай, уже три года как на пенсии.
- Кое-что он должен помнить. Дополнительная информация тебе не повредит.
- Знания умножают скорбь.
- Подследственных, – продолжил Колосов. – Знания умножают скорбь подследственных.

А для нас с тобой любые знания – вещь полезная. Хочешь коньяку?

- Я за рулем.
- Машину в Шереметьево заказал?
- Заказал.
- А Вербина ты все-таки навести.
- Да как я его найду?!

– На то оно и начальство, чтобы печься о подчиненных. Я о тебе позаботился. Вербин тебя ждет в Сандунах. Сегодня, после шести. – И, не дав опомниться, продолжил: – Ты поговори с ним. Может, он что вспомнит. Заодно попарись. – Он расплылся в улыбке. – Везет же!

- Будут дополнительные инструкции?
- Пока нет. Будь внимательнее. Работай спокойно, не надрываясь и не высовываясь.
- Ну, эта техника у меня хорошо отработана.

Колосов скривился в улыбке:

- Не только у тебя.

4. Вербин

Теперь раздражало все: и светофоры, и нерасторопные водители, и медленно переходившие дорогу пешеходы, особенно с собаками. Хорошо, хоть динозавры вымерли.

Я повернул с Неглинки в переулок и на горке втиснулся между двумя «Жигулями». Посмотрел на часы: половина восьмого. А самолет в час ночи. Далась мне эта баня!

Спустившись в узкий дворик и пройдя через арочные ворота, я оказался перед высокими дверями с лепными амурами и табличкой «Высший дамский разряд». Открыл дверь и, к вящему изумлению двух раскрасневшихся молодых, проник в вестибюль дамского разряда. Шел я так уверенно и по-хозяйски, что обе девицы оглянулись, а одна оценивающе протянула: «Не слабо!»

Повернув в маленький коридорчик, я остановился перед известной только посвященным узкой, как будто служебной дверкой, толкнул ее и попал в другой мир – мир персональных кабинетов.

В светлом предбаннике, отделанном под карельскую березу, никого не было. На креслах вдоль стены валялось нижнее белье, на плечиках в углу висели цивильные костюмы и генеральский китель. Длинный, в размер пингпонговского, стол ломился от снеди: разломанная на части вяленая рыба, бутылки коньяка и «Смирновской», две упаковки пива – одна наполовину пустая, разбросанные на газете пирожки, малосольные огурцы на пергаментной бумаге. Я открыл банку пива, с удовольствием выпил, закусил пирожком, потом разделся и на цыпочках пошаркал в душевую.

Но ни там, ни возле овального бассейна никого не было. Я, фыркая, залез под душ, потом заскользил в парную. Весь народ восседал на полках, семь человек. Среди них Вербин.

- На западном фронте по-прежнему без перемен?

– приветствовал меня генерал, плотный шестидесятилетний крепыш без единого седого волоска. – Все сдаем. Скоро уже и сдавать нечего будет. Министру нашему не говорят, что он министр обороны, боятся, по старости лет от страха конфуз с ним получится.

Общество захохотало, а потом потянулось к выходу. Я положил руку на плечо Вербина:

– Задержись, Пал Саныч.

Вербин спустился с верхней полки и начал медленно снимать прилепившиеся к волосатой руке березовые листья.

– Хочу с тобой посоветоваться.

– Знаю. Мне Колосов звонил. Что тебя интересует?

– Мы тут решили один банк подключить к нашим операциям. Ты, говорят, имел с ним дело. Не просветишь? «Люмме и Корпкс».

Вербин помолчал, потом проворчал: «Надо подумать», взял с верхней полки веник и, не спеша, направился к выходу:

– Дай сначала в бассейн мокнуть, мозги совсем расплавились.

Старика я знал. Спросишь: «Сколько будет дважды два?», ответит: «Надо подумать». Старая школа!

– Тороплюсь, Пал Саныч. Завтра лететь.

– Ладно. Полезли вверх. – Вербин взгромоздился на среднюю полку. – Здесь не подслушаешь. Такая влажность и жарища, ни один микрофон не выдержит... Колосов просил, чтобы я тебя проинформировал в отношении этого банка. Так вот. Дел мы с ним не имели. Хотели было. Но нам отсоветовали.

– Кто?

– Младший Кастро.

Ничего себе!

– Ты не торопись. – Вербин замолчал и начал ожесточенно хлестать себя веником по спине. – Для твоего сведения, Евгений. Только для твоего. Хотя... – он махнул рукой. – Скоро уж и не поймешь, что можно, что нельзя. – Пал Саныч снова помолчал. – Кастро сказал, что из банка идет утечка.

– Как использовали банк?

– Хотели использовать. Для отмывания наркоты.

– Ну и когда Кастро сказал вам про утечку, вы замахали руками: «Спасибо, дорогой!» и ничего не стали проверять. Так?

– Да не так. Конечно, стали проверять. Сам банк напрямую нас не интересовал. Нас интересовали два книжных магазина, которые принадлежали банку. Один в Базеле, другой в Лугано. Мы знали, что через эти магазины проходят потоки. Небольшие, но кое-что.

– Места выбраны удобно, – согласился я. – Базель – в Германию и Францию. Лугано – в Италию и Австрию. И книжный магазин, это тоже удобно.

– Верно. Они вкладывали пакеты в обложки, сувениры. Я тебе сказал, речь не шла о больших партиях. Так, мелочевка. Но стабильно.

– И что сказал Кастро?

– Ничего особенного. Якобы у них есть данные, что менеджер магазина в Лугано работает на американцев.

– Кубинцы везде видят американцев. Вы проверяли?

– Зачем, Женя? Зачем нам все это? Проверять не стали. Просто решили не иметь с ним дело.

Вербин энергично замахал веником, и горячий воздух ударил мне в лицо.

– Горячо.

– Горячо, – согласился Вербин.

– Послушай, Пал Саныч, а кто-нибудь все-таки имел дело с этим банком?

- Что ты имеешь в виду?
- Военные, Внешторг, ЦК.
- Внешторг – нет. Военные тоже нет. Мы тогда их спрашивали, они сказали, что нет. А ЦК... Поинтересуйся у Кузьякина.
- Не скажет.
- Ни за что, – кивнул Вербин.
- А ты скажешь?
- А я скажу. Этот менеджер – бывший итальянский коммунист. С ним работали люди Пономарева.
- И вы их, конечно, предупредили? – спросил я, хотя ответ знал.
- Вербин энергично замотал головой:
- Нет. Мы в их дела не вмешивались. И Кастро их, скорее всего, тоже не предупредил. Он эту публику из Международного отдела терпеть не может.
- Когда Колосов попросил тебя дать мне информацию, ты, конечно, не позвонил своим ребятам и не поинтересовался насчет фамилии этого менеджера из Лугано.
- А мне и звонить не надо. Я и так помню. Фамилия у него запоминающаяся: Моска. У тебя итальянский первый, и ты понимаешь, Моска – это не Москва, а по-итальянски муха. Так вот фамилия его Моска, Руджеро Моска.
- Парилка превратилась в настоящее пекло, и теперь не только взмах веником, но и каждый жест Вербина обдавал жаром.
- Есть еще вопросы?
- В конце концов, с этим Моска иметь дела я не собирался. А в то, что мне всучат для перевозки наркоту, не очень верил: это можно сделать проще и не из Конго. Да и мне все равно что перевозить: у меня не только диппа-спорт, но и курьерский лист.
- Вопросов больше нет.
- Вернулись в предбанник. Я начал одеваться.
- Я был уже у двери, когда Вербин снова подошел ко мне. Подошел, торопясь, волоча ногу, кутаясь в простыню:
- И еще. Раньше были одни дела, теперь другие. Не только банки, люди меняются. – Он мялся. – Не совался бы ты туда. Конечно, ребята из Международного отдела теперь не те... Но все равно лучше от них подальше, уж больно они...
- Он не мог найти слова. Я подсказал:
- Шустрые.
- Скорее, скользкие.
- Спасибо за напутствие.
- А это не напутствие. Это предостережение.

5. Габонский рудник

Я и сам себя звал «валютным извозчиком». Хотя, точнее, меня следовало бы звать «валютным перевозчиком». Вот и сейчас я должен перевезти большую сумму из Браззавиля в Женеву.

Несколько лет назад французы начали разработку уранового рудника в Габоне на границе с Конго. Тогда у них возникли проблемы с обеспечением техники безопасности. Опыт работы на подобного рода рудниках был у чехов, в начале пятидесятых годов активно разрабатывались их урановые рудники в Татрах. Тогда все находилось под контролем наших, и все документы и оборудование оказались потом в СССР. Продать французам нужную им документацию официально не представлялось возможным и не только потому, что она принадлежала чехам, но и

с политической точки зрения: не вооружать же потенциального противника! Однако искушение было велико.

Тогда в Габоне объявился человек, который заявил французам, что действует по поручению своих друзей, которые, якобы тайком от советского правительства, готовы продать не только разработки и чертежи, но и оборудование. Неизвестно, поверили ему французы или нет, но согласились. И началась операция, которой было присвоено название «Габонский рудник». Как и было договорено, большую часть оплаты за «Габонский рудник» французы производили наличными. Теперь эта операция закончилась, и в советском посольстве скопилась огромная сумма денег. Я должен буду доставить эти деньги в Женеву и положить на номерной счет в банке, с которым имею дело уже лет пять. Потом я должен буду проконтролировать получение этих денег моим агентом в Онфлёре. Этот агент должен будет положить деньги на счет компании, владельцем которой он является, и через шесть – семь месяцев переправить в банк West Atlantic Bank в Лондоне. Дальнейшее передвижение денег – не моя забота. Иногда, в особых случаях, которых при Горбачеве стало много, деньги, попавшие на счета моих агентов, в Лондон не переводились, а тратились по приказу из Москвы, как правило, на покупку лекарств или медицинского оборудования для Четвертого главного управления Минздрава. Конечно, теперь, в эпоху электронных переводов, можно придумать что-нибудь посовременнее, но этой системой пользовались уже лет двадцать, сбоев она не давала, и отказываться от нее не собирались.

В самолете рядом со мной оказалась женщина лет сорока в строгом темно-сером костюме. Уверенные жесты человека, привыкшего летать первым классом, выдавали в ней жену советника посольства или выше. Выпив лимонаду, она сразу перешла к вопросам:

– Вы в Браззу?

Да, в Браззу.

– В торгпредство? В посольство?

В посольство.

– И я в посольство. Я посольская.

И доложила, что она жена советника, летала в Москву на две недели на свадьбу дочери.

– Вы бывали ранее в Браззе?

Да, бывал. Но давно, последний раз три года назад.

Я тогда впервые оказался в Африке. Первую ночь после прилета переночевал в гостинице, а на следующий день тогдашний резидент повез меня «на водопады»: посмотреть Африку. Я ожидал по дороге лицезреть обезьян, слонов, зебр. А лицезрел кур и коров, правда, коров не европейских, а каких-то особенных, с большими рогами. Зато на водопаде увидел настоящего туземца, в набедренной повязке и с копьем. Его за деньги фотографировали. Потом туземец заявил, что у него обеденный перерыв, оделся в европейский костюм, сел в «Мерседес» и уехал. «Отличный бизнес!» – сказал мне тогда оказавшийся рядом торгпред.

– У нас посол старый, а посланник новый, – продолжала моя спутница.

– И секретарь парткома новый? – подсказал я.

– Да. Пичугин, Андрей Иванович. Знаете его?

Нет, не знаю.

– Очень скрытный человек. Для секретаря парткома это не плюс. Но часто бывает в коллективах. И очень идейный. А вот жена у него... я вам скажу... Да вы сами узнаете.

Так обычно говорят о женщинах, не ведущих монашеский образ жизни. Впрочем, мне было все равно. И о Пичугине я спросил для проформы. Скрытный, не скрытный, бывает в коллективах или нет – какая разница? Илья Муромец, как назвал его Кузякин. Получу коробку, отдам в резидентуру, ее упакуют вместе с деньгами.

– Надолго к нам?

– На неделю.

– Температура воздуха в Браззавиле двадцать четыре градуса, – объявила стюардесса. Самолет пошел на снижение.

«Сейчас расскажет, – подумал я, – что во время войны резиденция де Голля находилась в Браззе, и по личному указанию Гитлера два пилота Люфтваффе были направлены ее разбомбить, но найти Браззавиль не смогли».

Она начала:

– Посмотрите, внизу высокие здания – это Киншаса. А Браззавиль не виден, он весь в зелени.

– Мне рассказывали, что Гитлер... – я опередил ее.

Самолет пошел на снижение.

«Валерка уже ждет», – думал я.

С Валеркой Болтовским, резидентом в Конго, я учился вместе. В центральном ведомстве я быстро дошел до полковника, а Валерка мотался по африкам и только подполковник.

– До полной остановки самолета просьба не отстегивать ремней.

Все будет, как обычно. Валерка предложит остановиться у него дома. Я откажусь. Меня отвезут в гостиницу. Помоюсь, отдохну. Потом в резидентуру, и вечером обед дома у Валерки. Завтра упаковка груза, беседа с коллективом, и потом в гости или к послу или к посланнику. А, может, к этому Пичугину. Интересно, кого выделит Валерка лететь со мной в Женеву. На такое выделяют любимчиков. В Москве я просмотрел список сотрудников резидентуры, прочел характеристики. В особых любимчиках у резидента, скорее всего, Папонин. Стало быть, со мной полетит он.

Сначала пригласили выходить пассажиров первого класса. Я спускался по трапу и искал глазами серый тропический костюм Валерки.

Но у трапа никто меня не встречал. Такое бывает редко.

Полицейский контроль, никакой таможни. Какие-то люди встречают мою попутчицу.

Ко мне никто не подходит. Странно.

У журнального киоска я начал рассматривать газеты. Африка она, конечно, Африка, но газеты парижские, свежие. На меня обратила внимание моя спутница по самолету. Сейчас она подойдет и спросит, встречает ли меня кто-нибудь.

В этот момент рядом со мной оказался запыхавшийся парень.

– Евгений Николаевич?

– Я.

– Извините. Валерий Анатольевич не смог вас встретить. Поручил мне. Моя фамилия Папонин.

Конечно, Папонин.

– У вас есть багаж?

Багажа у меня не было.

– Тогда в машину?

У Папонины был взволнованный вид, он суетился.

– У вас что-нибудь случилось?

– Валерий Анатольевич расскажет.

– Говори.

– У нас такое!

– Выкладывай!

– Такое случилось!

– Что?!

– Вчера один... Сбежал.

– Как сбежал?

– А просто. Сел с женой в самолет – и в Париж.

- Кто такой?
- Секретарь парткома. Пичугин.

Глава вторая Сорочинская ярмарка

6. Болтовский

Болтовский, естественно, был мрачнее тучи.

– Понимаешь, просто сел в самолет и улетел.

– С багажом?

– С багажом.

– В Москве у него семья?

– Вроде бы. Сын, что ли. Где остановишься?

– В гостинице.

– Она у нас старая.

– Знаю. Зато близко к посольству.

Сейчас скажет, чтобы ходил в посольство осторожней. В каком-то справочнике написано, что в парке, на территории которого располагается посольство, водятся сорок четыре породы змей, из них тридцать три ядовитых.

Но сейчас резиденту было не до змей.

– Он мне не понравился с первого взгляда.

– С кем-нибудь здесь контактил?

– Да нет.

– А жена? – я вспомнил разговор в самолете.

– Та еще бабенка!

– С кем-нибудь...

– Кто ее знает! Вообще-то у меня были сигналы...

Он замялся:

– Кое-что было...

Я понял:

– С кем-нибудь из наших?

Он вздохнул:

– Верно. Филин, знаешь такого?

Как не знать! Борис Филин. Окончил МГИМО, отучился два года в известном заведении имени Андропова и потом стажировался у меня с полгода.

– Он еще здесь?!

– Не дождусь, когда заменят. А в отношении Пичугиной... Конечно, только слухи.

Понятно, тень на Филина – это и тень на него самого. Но теперь – момент истины.

– Уже потрошил?

– Да нет еще. Он, знаешь, какой... Будет молчать, как Зоя Космодемьянская. Слушай, Женя, может, тебе с ним потолковать? Мне он точно ничего не скажет.

Понятно, хочет меня подключить. Потом напишет: в расследовании принимал участие сотрудник Центрального аппарата тов. Лонов Е.Н.

– А мне скажет?

– А ты добрый следователь. Тебе может и сказать.

– Вряд ли. Я написал ему такую характеристику... Кроме Африки ему ничего не светило. Как он работает?

– Плохо. А условия отличные. Он здесь под крышей «Известий». До него тут был просто журналист. Тип, я скажу тебе, в высшей степени странный. Нечесанный, немывтый, везде совал

свой нос, связей куча, а писал плохо и редко. Лучшего предшественника не придумаешь. А Филин – ни контактов, ни связей. Правда, пишет хорошо. В «Известиях» им довольны. Они – да, а я – нет. Только и слышу: «не успел», «опоздал», «не сообразил».

– А по женской части?

– Вот-вот. Жена пишет диссертацию в Москве, он здесь один. При его внешности и манерах найти утешительниц – не проблема.

– Находит?

– Конечно! Я уже несколько раз имел с ним беседы. Ну так как? Поможешь?

Валерке надо помочь. Неприятностей у него будет с вагон. Нужно поучаствовать самую малость, чтобы потом в Москве слово замолвить.

– Когда удобней?

– Прямо сейчас. Он у себя в бюро.

– Мне бы сначала в гостиницу.

– Мои орлы твои вещички доставят туда по первому классу.

– У меня только портфель.

– Тем более.

– Машину дашь?

– Обижаешь. Чацкий с корабля на бал на карете, а ты на моем новом «Пежо».

7. Филин

Корпункт «Известий» размещался в трехкомнатной квартире на четвертом этаже высокого жилого дома в центре города.

Когда я появился в дверях, радость встречи с начальством Борис продемонстрировал вяло.

Оглядевшись и наскоро похвалив мебель в гостиной, я, не ожидая приглашения, направился в кабинет. Борис сделал какое-то неуклюжее движение, чтобы помешать, но было поздно: я открыл дверь кабинета.

В кресле у окна восседала, или, точнее, возлежала женщина в длинном африканском платье.

Увидев меня, она радостно вскочила:

– Евгений!

Галина. Галина Скакунова. Вот уж кто не попадал под категорию ведущих «монашеский образ жизни», так это Галя Скакунова.

Она подскочила ко мне, приняла в свои мощные объятия, чмокнула в щеку.

– Ты не знал, что я в Браззе?

– Не знал. И Леша с тобой? Как всегда командует Аэрофлотом?

Леша – это ее муж, Леша Скакунов.

– А куда я без него?! Я как птичка перелетная: кто закольцевал, за тем и лечу.

Птичка перелетная снова плюхнулась в кресло.

Борис подтянулся, посерьезнел:

– Вам нужно о чем-то поговорить со мной? Галя, ты не могла бы...

Галина начала неохотно подниматься с кресла. Я ее остановил:

– Сиди, сиди. Я сюда просто так. Сегодня прилетел.

– Ну да, просто так! Я не дура. Хочешь поспрашивать по поводу этой шлюхи. Ему есть о чем рассказать.

Вмешательство Галины было не только удивительным, но и полезным.

Я строго посмотрел на Бориса:

– О какой шлюхе она говорит?

– Не знаю, – в его глазах промелькнул страх.

Галина не отступала:

– Колись, колись! Все равно Евгений тебя расколет.

– Не понимаю, о чем речь! – Теперь он изображал негодование.

Я не колебался:

– Вообще-то, я хотел поговорить с тобой в отношении жены Пичугина наедине, но думаю,

Галина нам не помешает.

Галина обрадовалась:

– Это у вас называется перекрестный допрос?

– Это называется допрос в присутствии важного свидетеля.

– Но я ничего не знаю, – мямлил Борис.

Я решил применить другую тактику:

– Или ты все рассказываешь здесь, или мы едем в посольство и ты будешь говорить в присутствии резидента и под стенографистку.

И не дав ему опомниться, спросил:

– Что ты знаешь про Пичугина?

– Мы с ним никак. Он вообще с нашими никак. Он только со своими из парткома, а я...

– А ты только с его Аленой! – взорвалась Галина. – Я тебя предупреждала!

– Да ничего... Мы только...

– Сначала ты расскажешь Евгению все, что его интересует. Потом я его попрошу сделать так, чтобы тебя за это не выгнали с работы и чтобы от тебя не ушла жена. А потом, когда он уйдет, у нас будет серьезный разговор.

Я решил немного успокоить Бориса:

– Все, что ты скажешь, останется между нами. Если, конечно, ты не знал об их планах и не ходил покупать им билеты.

Тут уже испугалась Галина:

– Да нет. Не знал он ничего. Не такая она дура.

– Думаю, – осторожно начал Борис, – и она ничего не знала. Мы с ней договаривались на сегодня. А вчера утром она мне позвонила и сказала, мол, так получилось, что все откладывается. А сама злющая.

– Тебе не показалось, что она с тобой прощается?

Борис не торопился с ответом.

– Ее муж был ревнив?

– Не знаю.

– Вы встречались с ней здесь.

– Да. Но только несколько раз. Муж ее в это время был в отъезде.

– Куда он уезжал?

– Он уезжал два раза и оба раза в Намибию.

– В Намибию! Ишь куда! А что, Намибия входит в его епархию?

– Там наших немного. Он их курировал по партийной части.

– Ездил только два раза?

– Да.

– За какой период?

– За два месяца.

– А раньше не ездил?

– Нет.

– Почему вдруг такое внимание к Намибии?

– Алена рассказывала, когда он туда ездил в первый раз, то договорился, что ему там смастерят какую-то безделушку. А потом ездил за ней.

– Эта безделушка, случаем, не алмазы?

Снова вмешалась Галина:

– За алмазами далеко ехать не надо, их тут на каждом углу продают.

– Не скажи! – огрызнулся Борис. – Алмаз алмазу рознь. Может быть, какой особый. Хотя... Большой алмаз заказать нельзя, а он сначала что-то заказал, а потом за этим приехал. Хотя...

– Что «хотя»?

Борис мялся:

– Да так, ничего.

– Еще? Что еще? – не отставал я.

– Ничего.

– Правда ничего, – подтвердила Галина. – Я его уже допрашивала.

И принялась кокетничать:

– Видишь, Евгений, и от меня польза есть. А Борис никак не хочет этого понять. У меня чутье прирожденного агента.

Я понял, что ничего больше не узнаю, и направился к двери.

– В посольство? – спросила Галина.

– Только на минуту. А потом в гостиницу. Надо выспаться.

В дверях Борис смущенно улыбнулся:

– Я – не очень?

Я не стал его утешать:

– Очень. Но я – по другим делам. А ты все равно крепись. Не ровен час!

Борис только вздохнул:

– Мне недавно цыганка предсказала счастливую карьеру.

– Одной даме предсказали, что она выйдет замуж и у нее будут три близнеца. И что ты думаешь?! Близнецы родились, а замуж она так и не вышла. Но ты все равно крепись.

* * *

Я поднялся в кабинет Болтовского.

– Что-нибудь интересное узнал?

– Практически ничего. Кроме того, что он два раза летал в Намибию. Первый раз что-то заказывал, второй раз получил заказ.

– Не ахти. Будем писать или подождем?

По этому неуверенному «будем писать», я понял, что писать об этом в Москву ему не с руки, ибо надо будет упоминать источник, от которого получены сведения, а сведения получены от его сотрудника, находившегося в интимных отношениях с женой бежавшего.

– Понимаешь, – он замаялся. – Москва и без того лютует.

Вошел шифровальщик, протянул розовый листок входящей телеграммы. Болтовский прочел, потом протянул мне.

– Тут для тебя.

«Для тов. Лонова Е.Н. Поставьте в известность резидента о данном вам поручении перевезти груз для инстанции».

– Это то, о чем я тебе рассказывал.

– Читай дальше.

«Окажите резидентуре помощь в деле Пичугина. Резидент проинформирован».

– Поедем ко мне, пообедаем, – предложил Болтовский.

– Хочу с дороги помыться, отдохнуть. Вчера замотался.

– Ладно, отоспишься, приходи.

* * *

Гостиница находилась рядом с посольством около паромной переправы в соседний Заир. Мой номер выходил на реку. Небольшая кровать, стол и два стула. На одном лежал мой портфель. Я разделся, принял душ и сразу в кровать.

«Надо поставить будильник на четыре, а то проспичь до ночи, – думал я, засыпая.

Но ставить будильник оказалось излишним.

– Просыпайся, просыпайся!

Я открыл глаза. Передо мной стояла Галина.

8. Любезная Солоха

– Как ты сюда проникла?

– Для белой женщины в Африке закрытых дверей не существует.

«И закрытых платьев», – отметил я про себя. На Галине было нечто, что кофтой назвать было бы преувеличением.

Это черно-кружевное «нечто» без рукавов на двух расхлябанных пуговицах заканчивалось джинсами до колен, стянутыми широким кожаным ремнем с массивной металлической пряжкой. Выглядела она подтянутой и посвежевшей. Я одобрительно покачал головой:

– Хорошо выглядишь, птичка перелетная.

Я взял ее за руку, хотел подтянуть к себе, но она отстранила:

– Я не за этим. У меня дело.

– Слушаю. Садись.

Галина продолжала стоять.

«Считает, что стоя выглядит лучше, – решил я. – Впрочем, может быть, и права. Действительно лучше».

– Я тебе кое-что хочу рассказать. Но, разумеется, Борис об этом знать не должен. У кубинцев есть один такой Рамон.

Не буду тебе морочить голову, но мы с ним... Он хороший парень, красивый... Ты, Евгений, должен меня понять.

– Надеюсь, ты пришла не исповедоваться. Но, если хочешь, грехи могу отпустить.

– Не смейся. Это касается дела, за которым ты пришел к Филину.

Становилось интересным. Я скинул простыню, сел на кровать.

– Тебя не смущает?

Моя одежда, а точнее, ее отсутствие Галину не смутила:

– Не в первый раз. Но я пришла не за этим.

– Ты пришла покаяться, что была в интимных связях с Пичугиным.

– С этим козлом?! Ты с ума сошел! Я тебе начала рассказывать про Рамона.

– Этот грех я тебе уже отпустил.

– А вот тут не торопись. Мы с Рамоном иногда встречались в каморке Аэрофлота в аэропорту. Знаешь, в аэропорту много народу...

– Понятно, муж дома, а ты на его рабочем месте. Но причем здесь Пичугин?

– Однажды мы выходили из каморки, и я увидела Пичугина.

– Когда это было?

– Дня три назад.

– С этого момента поподробнее.

– Я увидела Пичугина и, конечно, испугалась. Он такой идейный, обязательно заложит.

– Ты заметила, что он там делал?

– Он просто стоял с двумя мужчинами и одной женщиной.
– Что за люди? Ты их знаешь? Наши?
– Нет, не русские. Скорее всего, французы. Рамон сказал, что они какие-то революционеры.

– И что еще?
– Все.
– Как они выглядели?
– Не успела рассмотреть.
– И все-таки.

– Мужчины среднего роста в светлых рубашках. Оба стояли ко мне спиной. У одного взлохмаченная грива. Другой прилизанный. Дива выше обоих, совершенно плоская, лицо длинное. И вообще, зачем я тебе все должна докладывать?! У Бориса ты даже не намекнул, что хочешь меня увидеть.

Она обиженно повертела головой.

– Дел много.
– Ясно. Много дел, много новых знакомых. Ну да ладно.

Она направилась к двери. Шла медленно. Я понял: она знает еще что-то, и начал выправлять положение:

– Старые знакомые всегда лучше новых.
– В это трудно поверить.
– Лучше. С новыми два часа говоришь о любви, и не остается времени заняться любовью.

Зато со старыми два часа занимаешься любовью, и нет времени поговорить о любви.

– Понятно, – Галина вернулась и стала у окна. – Выходит, я сама напросилась, и меня можно сразу в кровать. И вообще мне пора.

Я знал, что Галина принадлежит к той часто встречающейся категории женщин, с которыми надо делать одно, а говорить совершенно о другом. В последние наши встречи мы как-то обходились без этого ритуала. Теперь она на меня обиделась, и надо было возвращаться к старой технике. Я взял ее за руки, отвел от двери в центр комнаты.

– Я тебе все рассказала. Почти.
– Почти?

– Понимаешь, какая странная штука... Почему-то Борис не пересказал тебе всё, что ему говорила жена Пичугина.

– И что она ему говорила?
– Оказывается, ее муж ездил в Намибию заказывать статуэтку из серого дерева.
– Дерево, наверное, очень дорогое.
– Дорогое, но его можно купить и здесь.
– А Борис видел эту статуэтку?
– В том-то и дело, что видел.
– Ну и что?
– Наверное, не хотел тебе про нее рассказывать. Боялся, что ты будешь держать его за

идиота.

– Галя, не томи!
– Дело в том, что это... это... бюст Гоголя.

Я замер.

– Ну разве ты поверил бы, что он ездил в Намибию за бюстом Гоголя?

А Валера не удивился:

– Гоголь, говоришь? Я видел эту статуэтку. Он ее держал в сейфе. Но то, что это Гоголь, не говорил. Хотя, теперь вспоминаю, вроде похож. Нос длинный, волосы до плеч.

– И где сейчас эта статуэтка?

– Нет ее. Мы все осмотрели. В сейфе ничего, кроме партийных бумаг. Дома – только казенная мебель. Стало быть, статуэтку прихватил с собой. Сдался ему Гоголь!

Он взял трубку, набрал три цифры.

– Светочка, проверь, какие книги брал в библиотеке Пичугин. Посмотри, не брал он, случаем, Гоголя. «Мертвые души». «Тарас Бульба».

– «Вий», – подсказал я.

Валерка хмыкнул, но повторил:

– «Вий».

Гоголя в библиотеке Пичугин не брал. Зато брал книги по философии.

– Философ! – резидент разозлился. – Надо писать в Москву.

Я согласился. Валерка немного помялся:

– А что, если не будем их путать? Напишем, будто все данные ты получил от Галины.

Ясно. Не хочет подставлять Филина. Я не возражал:

– Только вот в отношении этих революционеров... Разве поспросить кубинцев...

Раньше можно было в случае чего просто позвонить в кубинское посольство. Нынче время другое, отношения другие.

– Как у вас отношения с кубинцами?

– Как у Кастро с Горбачевым. Хреновые.

– Кто-нибудь из старых у них в посольстве остался?

– Мой тезка. Валеро. Ты его знаешь?

– Еще бы.

С Валеро я знаком уже лет пятнадцать, и теперь стоит попытаться получить от него информацию по старой дружбе.

– И как вы с ним?

– А никак.

– Может, я попробую.

– Обязешь.

9. Валеро

– Мне компаньеро Валеро.

– Кто спрашивает синьора Валеро?

– Синьора Валеро спрашивает компаньеро Лонов. Через минуту в трубке послышался хриплый голос Валеро:

– Лонов? Живой! Надолго?

– На неделю. Прилетел сегодня.

– Что-нибудь надо?

– Да. Нужно тебя увидеть.

– Сегодня ночью, подойдет?

– Что значит ночью?

– Сейчас еду на прием. Вернусь к десяти. Пару часов буду писать. В двенадцать, годится? Я молчал.

– Что молчишь? Полночь – это еще рано, Лонов. Рано. Девочек не обещаю. Ром будет.

– А если мы разделим нашу встречу на две части? Сейчас я к тебе подскочу и задам пару вопросов. И договоримся о второй встрече, с ромом и воспоминаниями.

– Где ты находишься?

– У себя в посольстве.

– Не успеешь. Я через пять минут выезжаю.

– Почему прием так рано?

– Я тебе дам телефон посла Индонезии, позвони и спроси, почему он, старый осел, назначил прием в такое время. Может быть, у него молодая жена. Если бы у тебя была молодая жена, Лонов, ты вообще бы не проводил приемов. – Он помолчал. – Слушай, Лонов. Стой на площади у телеграфа. И жди меня. Я по дороге заскочу. А теперь не отвлекай.

Валеро повесил трубку.

К удивлению, Валеро не заставил себя ждать. Через пять минут черный «Мерседес» с кубинским флагом остановился около телеграфа.

– Садись.

Валеро не изменился. Невысокий, ладно сбитый, юркий, с темно-синими мешками под хитрыми глазами, он удобно развалился на заднем сиденье и размахивал большущей сигарой.

Я сел рядом. Машина плавно отрулила.

– На «Мерседесах» разъезжаешь.

– Возраст пришел. Это тебе не вазильковский «Фольксваген».

Когда лет десять назад в Алжире я разбил свою машину, а у резидента не нашлось для меня запасной, Валеро, который тогда оказался поверенным в делах, щедро отдал мне на пару месяцев «Фольксваген» с номерами кубинского посольства. Резидент морщился, но резервной машины не было, и он терпел.

– Ты в отношении Пичугина?

– Не ошибся. Он показывался вместе с какими-то леваками. Меня интересует, кто они такие и как на них выйти.

– Как зовут любовницу руководителя группы, не интересуешься?

– Нет.

– Стареешь, Лонов. Надо всегда начинать с любовниц.

– Стало быть, не знаешь.

– Не знаю.

– Ты стал дипломатом.

– А ты не разглядел флаг на машине? Я – поверенный в делах.

– Тем хуже для дел. А вот твой Рамон их знает.

– Это тебе Галина донесла?

Машина остановилась.

– Пошли! – скомандовал Валеро.

– Куда?

– Здесь есть бар, очень недорогой ром. Большого предложить не могу. Только быстрее, Лонов. Ты у меня отнимаешь драгоценное время.

Заведение, куда мы зашли, оказалось препаршивым. Три обшарпанных столика и бар, за которым восседал черный громила. Пахло черт знает чем.

Валеро здесь знали. Он кивнул громиле:

– Два.

Мы сели за стойку бара.

– Из «Мерседеса» да сюда! Не вяжется.

– Ты обуржуазился, Лонов.

– А ты нет? Вон какой костюм! – Костюм на Валеро был из дорогой ткани и хорошо пошит.

– С нашим, – Валеро показал бороду, имитируя Кастро, – хрен обуржуазишься. – Значит, Галина донесла.

– У нее были дружеские встречи с твоим Рамоном.

– А у нас это не запрещено. А вот у вас... – Валеро захихикал. – И у тебя с ней были дружеские встречи. И не так давно. Ладно, узнаю. Позвони в посольство завтра утром.

– А раньше?

– Абсолютно исключено.

Бармен налил в пластиковые стаканы отвратительную на вид жидкость. Потом в такие же стаканы – лимонад.

– За твой приезд, Лонов.

Последний раз подобное я пивал лет пять назад на какой-то свадьбе в подмосковной деревне, где случайно оказался после рыбалки.

– Пей, Лонов, пей.

Я с трудом допил стакан и взялся за лимонад.

– А ваш Пичугин – неплохой парень. Марксист.

– Что это значит?

– Не любит богатых, симпатизирует бедным. У вас таких уже не осталось.

Бармен подставил под нос тарелку с чеком. Я вынул бумажник.

– Хочешь заплатить, – прокомментировал Валеро.

– Я знаю, как у вас с финансами!

– Сейчас еще хуже, чем раньше, – вздохнул Валеро.

– Во всем мире инфляция, цены растут у-у как! А у нас те же ресурсы, зарплата не меняется. Наш посол получает меньше, чем секретарша в местном банке. А он – не на общем котле. Он как-то в Гаване сказал одному нашему начальнику: «Я получаю в месяц меньше, чем местная проститутка за один сеанс». И что ты думаешь, Лонов? Подействовало! Через полгода нам прислали десять практиканток в местную клинику под личное руководство посла.

– Ого-го!

– Не радуйся, Лонов. То, о чем ты подумал, действительно – «ого-го!» Но мы-то должны у этого «ого-го!» лечить зубы! Денег на местных врачей нам не дают! Так она мне такое с зубом вытворила!

– Но зато... «ого-го!»?

– Не болтай, Лонов. Лучше приезжай завтра в посольство. С зубом расстанешься без сожаления.

Подошли к машине. Я начал прощаться. Валеро обиделся:

– Я довезу тебя до вашего посольства.

– Ты и так опаздываешь.

– То, что я должен был выпить за первые полчаса приема, я уже выпил. Садись, Лонов. Не играй в приличного человека. Я тебя знаю.

Подъехали к посольству. Я открыл дверцу. Валеро, размахивая сигарой, с деланной серьезностью напутствовал:

– К местным женщинам не ходи. А то расскажу генералу.

Это тоже имело историю. Как-то через месяца два после нашего знакомства Валеро меня удивил. «Я, Лонов, знаю, ты – из ГРУ». И хотя моя «ведомственная принадлежность» не была для кубинцев секретом, Валеро, сам, кстати, военный разведчик, по-прежнему звал меня «товарищем полковником» и грозился «пожаловаться военному атташе». А однажды после приема с обильным количеством спиртного Валеро признался мне: есть у них в посольстве специальный человек, он снимает на кинолентку дипломатов из всех посольств и потом по походке определяет, не военные ли они. У меня действительно походка военного; я начинал с военной академии.

На мое удивление Валеро тоже вышел из машины. Мы подошли к ограде посольства. Валеро обнял меня:

– Знаешь, Лонов... По-моему, мы с тобой видимся в последний раз.

– Что за ребята, с которыми имел дело Пичугин? Ты их знаешь?

– Марксисты-нонконформисты.

– Что за группа? Откуда?

- Французы. Очень хорошие ребята.
- Как они себя называют?
- Я тебе сказал: марксисты-нонконформисты. Понимаешь, Лонов, марксисты-нонконформисты. У вас таких не осталось. Только Маркс на площади да Ленин в мавзолее.
- Они купили ему билеты?
- Да.
- Где они сейчас?
- Улетели вместе с ним.
- Он им платил?
- Ну ты, Лонов, совсем обуржуазился. Есть еще такие вещи, которые не покупаются. И люди есть, которые не покупаются. Они ему помогли по идейным соображениям. Очень уж им ваш Горбачев не нравится. И не только им.

10. Гоголь

Мы сочиняли телеграмму в Москву.

«По сведениям, полученным от жены представителя Аэрофлота Г. Скакуновой, она видела Пичугина за день до его отлета в компании двоих мужчин и одной женщины, предположительно французов. По сведениям, полученным Лоновым на основе личных контактов от советника посольства Кубы В. Родригеса, эти люди принадлежат к левацкой французской группировке марксистов-нонконформистов, и якобы именно они организовали, а также оплатили полет Пичугина и его жены во Францию. О каких-либо других контактах Пичугина с членами этой группировки неизвестно. По словам того же В. Родригеса, члены группировки вылетели во Францию вместе с Пичугиными. Информация, полученная от кубинца, нуждается в проверке».

- Будем писать о Гоголе? – спросил резидент. – Не сочтут за идиотов?
- Могут. Но не писать нельзя. У меня какое-то чувство, будто именно этого Гоголя я и должен был везти в Женеву.
- Я тоже об этом подумал.
- Абсурд.
- Абсурд.
- Может, порода дерева какая-то особо ценная?
- Вряд ли. Обыкновенное серое дерево. Оно, конечно, дорогое, но не настолько.
- Наверное, оно трудно поддается обработке. И важно искусство мастера.
- Но не до такой степени, чтобы прятать статуэтку в женевском банке.
- Ты держал ее в руках?
- Держал. Маленькая, но тяжелая.
- Спасибо, Пичугин взял ее с собой, а то бы мне пришлось таскать. Постой... А не было там чего-то внутри? Какого-нибудь алмаза, например.
- Конечно, тайник мог быть. Иначе зачем он прятал статуэтку в сейфе? Но мы этого не знаем.
- Верно, не знаем, – согласился я. – Но про статуэтку писать надо.
- Про статуэтку надо. А вот про Гоголя... Давай напишем про статуэтку, но не упомянем Гоголя. А то подумают, что от африканской жары у меня мозг начал плавиться.
- А ты не сам придумал. Источник сообщил: «Гоголь», ты и написал «Гоголь». Сообщил бы: «Тургенев», написал бы «Тургенев». Хоть Миклухо-Маклай. Главное, правдивость передачи информации. Вот если бы сообщил «Карл Маркс», тут не до правдивости. Тут политическая близорукость. Про Гоголя написать надо.
- Думаешь, Гоголь неспроста? А может, просто Чичиков его любимый герой.

– Или кузнец Вакула. Пусть в Москве разбираются.

И резидент начал писать:

«За последние два месяца Пичугин дважды летал в Виндхук (Намибия). По словам Г. Скакуновой, жена Пичугина рассказывала ей, что во время первой поездки он заказал у местного мастера, специалиста по обработке особо ценных пород древесины, статуэтку из серого дерева, якобы писателя Гоголя. Из второй поездки он привез статуэтку и показывал ее сотрудникам посольства. После отъезда Пичугина статуэтка исчезла».

– Послу будешь показывать телеграмму?

– Нет. Мы упомянули источники.

– Ты когда к нему?

Резидент посмотрел на часы:

– Через двадцать минут. Будем сочинять общую посольскую депешу.

– Нашу пошлешь после беседы с послом?

– Пошлю сейчас. Если что новое узнаю, пошлю еще одну. Кашу маслом не испортишь.

В моем положении чем больше телеграмм, тем лучше.

– Узнай у посла, кто дал разрешение на поездку Пичугина в Виндхук, это все-таки другая страна, и без разрешения лететь он не мог. Спроси, знает ли он что-нибудь про статуэтку. Но про Гоголя не говори. И про этих неконформистов тоже.

Валерка подписал телеграмму, протянул мне. Я тоже расписался. Он вызвал шифровальщика:

– Вне очереди.

Шифровальщик взял телеграмму, вышел.

– Теперь так, – Валерка встал. – Я сейчас к послу. Сколько пробуду, не знаю. Потом домой и сразу за тобой машину. Обедаешь у меня.

– Договорились.

– Если посол про тебя спросит, пригласит принять участие в составлении депеши...

– Скажи, что я на выполнении оперативного поручения.

– Не в первый раз.

* * *

По дороге в гостиницу ко мне привязался здоровенный тип:

– Только для вас, месье.

Он раскрыл ладонь, и я увидел десяток камешков величиной с булавочную головку.

– Настоящие. Вы можете проверить, месье.

Я знал, как здесь проверяют алмазы. Царапают о стекло машины, настоящие оставляют узкую полоску.

– Настоящие бриллианты, месье.

Нешлифованные алмазы никого не интересуют. Хотя, говорили специалисты, попадались алмазы чистой воды, такие легко проверить: бросить в стакан с водой, и их не будет видно.

– Очень дешево, месье. Только для вас, месье.

Верзила плелся за мной до самой гостиницы и отстал только у входа. Я не торопясь поднялся на свой этаж. Принял душ.

Машина от резидента приехала около восьми.

11. Болтовский

Валерка встречал у двери.

– Наконец-то! – он весело потирал руки.

За последние годы он располнел. Говорит, три раза в неделю по утрам до десятого пота гоняет в теннис. Но результаты заметны только на работе, когда он в костюме. Дома, в яркой африканской рубашке, лишние килограммы выглядели нетронутыми.

– Я спросил у посла, кто давал разрешение Пичугину летать в Намибию.

– Ну?

– Все очень просто. Там есть члены партии и нет парторганизации. Ездил собирать взносы.

– То есть у него есть разрешение на выезд в Намибию.

– А вот как раз и нет. Он сказал послу, что имеется личное указание заведующего заграничными ЦК. В иное время посол, конечно, отправил бы уточнилочку, но теперь...

– А про статуэтку?

– И про статуэтку говорили. Пичугин рассказал послу, что в Виндхуке купил красивую статуэтку из серого дерева.

– И все?

– Все.

– А кузнец Вакула?

– Глухо.

– Телеграмму сочинили?

– А как же! Страниц на десять. Восемь страниц про то, какой плохой Пичугин. И две – какие мы нехорошие: проморгали. Без этого нельзя.

Появилась супруга резидента и с места в карьер:

– Как там в Москве? Когда вы от Горбачева избавитесь? Просто уже не вмоготу.

Валерка попытался смягчить категоричное заявление супруги:

– Ну, что ты так...

Та не сдавалась:

– Неужели нет на него управы?!

Я счел за благо отделаться шуткой:

– Раньше, когда приезжал за границу, все спрашивали про погоду, а теперь про генсека. А ответ один и тот же: что будет, не знаю, не от меня зависит. Это только в голливудских фильмах мы с Валеркой все можем, а на самом деле, кто мы такие? Подневольные клерки.

– Верно, совершенно верно, – закивала супруга. – У моей подруги муж в ЦК работает, их дочка второй раз замуж вышла, так они ей вторую дачу построили. В Жуковке. А мы третий год разрешение на земельный участок получить не можем. А работает Валера... Забыла, когда в воскресенье за город ездили.

Она махнула рукой и отправилась на кухню, а Валера повел меня в гостиную, усадил в кресло, налил виски, посмотрел на часы:

– Надо позвонить в посольство, нет ли чего.

Он набрал номер посольства. Потом вздохнул:

– Идет.

Это означало, идет прием телеграммы.

– Циркулярка? – спросил я.

Циркулярные телеграммы, направляемые для всех резидентов во все страны, особых хлопот не доставляют. Их много, и касаются они в основном общих вопросов или содержат благие пожелания. Отвечать можно, не ударяя пальцем о палец: на общие вопросы общими ответами, на благие пожелания благими намерениями.

– Указилочка. Надо ехать. Посиди, я быстро сгоняю.

Супруга принесла клубнику со сливками и села в кресло.

– Вы, случаем, не рыбак?

– Нет.

– На прошлой неделе к нам приезжал один, из Союза обществ дружбы. На рыбалку попросился. Наши референты отвели его на реку. И выудил он такое чудовище, такое чудовище! С усами, дикого цвета, глазищи как грампластинки, и колючее, страх просто! Таких в этой Конго тьма-тьмушая. Он плевался весь день. И потом сказал, что никогда теперь вообще ни к какой реке не подойдет, ужас берет. Кофе хотите?

В это время зазвонил телефон. Она взяла трубку, послушала и протянула ее мне.

– Это Валера. Просит вас.

– Приезжай в посольство. Машину я выслал. Тут есть кое-что для тебя.

* * *

В посольстве меня ждали. Я поднялся на третий этаж в референтуру. Дежурный посмотрел в глазок и открыл дверь:

– Проходите. Вы ведь здесь не в первый раз?

– Не в первый.

Я прошел в общую комнату, узкую, с окном, закрытым изнутри решеткой и извне – ставнями, со столами для посольских – направо, с двумя кабинками для ГРУ и КГБ – налево. Безошибочно отодвинув занавеску кэгэбэвской кабинки, сел на скрипучий стул. Через несколько минут появился шифровальщик.

– Вам телеграмма.

Я ждал этой телеграммы. Неординарные события в Браззавиле требовали указаний начальства. По дороге в посольство я прикидывал, какие мудрые указания получу. Но то, что я прочел, предположить было невозможно.

12. Неожиданная телеграмма

«Лонову. Возложенная на вас миссия по перевозке денег из Браззавиля в Женеву откладывается. Вам надлежит первым самолетом вылететь во Францию и в городе Онфлере встретиться с известным вам Типографом. Узнайте от него, как выйти на группу марксистов-нонконформистов. Ваша задача – получить увезенную Пичугиным статуэтку Гоголя. Для приобретения статуэтки можете пользоваться счетом "Банк Локаль де Женев". Связь по обычным каналам. Документы для пребывания во Франции у вас есть. Резидент получил указание оказать вам содействие.

Бобков».

* * *

Валерка ждал меня у себя в кабинете.

– Не ожидал?

– Не ожидал. Как обухом по голове. Когда самолет в Париж? Велено лететь первым.

– Через четыре часа.

– Обеспечишь?

– Сделаем. Чем еще помочь?

Сразу и необразишь. Перво-наперво надо решить, какой паспорт предъявлять на полицейском контроле: дипломатический или служебный, общегражданский. Как всегда я взял с собой оба паспорта. Сюда я прилетел как советник МИДа и, естественно, предъявлял дипломатический. В нем теперь значатся отметки об отлете из Москвы и прилете в Браззу. Но для поездки в Онфлер лучше воспользоваться общегражданским паспортом, на него меньше обращают внимания.

– Мне нужно в служебный паспорт проставить московскую отметку о вылете три дня назад и бразза-вильскую о прилете два дня назад.

– Нет ничего проще.

Валерка достал набор соответствующих печаток.

– Давай паспорт. Хочешь, я тебе поставлю прилет в Буэнос– Айрес?

Шутка.

– Что еще?

Сразу не соображу. Чековая книжка «Банк Локаль де Женев» при мне, французское водительское удостоверение тоже.

– Наличные не нужны?

– Выпиши тысячи две франков.

Валерка улыбнулся:

– Уже заготовил, пока тебя ждал. Три тысячи. Сойдет?

– Сойдет.

– Распишись.

Я расписался.

– Телеграмму о том, что я вылетел, пошлешь, когда вернешься из аэропорта.

– Сам писать не будешь? – удивился Валерка.

Вроде бы надо.

– Ладно. Давай тетрадку.

«Вылетаю в Париж для выполнения указаний. Связь по обычным каналам. Лонов».

– Но ты все-таки пошли, когда я улечу.

– Теперь по маленькой?

– Можно и по большой. Мне бы только собрать портфель.

– А он уже едет в аэропорт. Я сразу, как тебе позвонил, послал своих молодцов к тебе в гостиницу. Велено оказывать содействие, вот мы и оказываем.

– Тогда наливай.

– Виски? Коньяк?

– Водки. Когда еще увидимся!

– Да прилетишь ты за своей валютой.

– Не знаю. Я теперь ничего не знаю.

13. Аэропорт

Аэропорт в Браззавиле в минутах двадцати от посольства.

– Ничего от нас больше не надо? – спросил в машине резидент.

– Какая погода в Париже?

– Хорошая. В Париже всегда хорошая.

Валерка показал на молодых конголезцев, расположившихся около фонарей с книгами в руках:

– Видишь, какой в Браззе ученый народ. Дома электричество дорого, вот и сидят здесь всю ночь, благо климат позволяет.

«Сейчас скажет, что по отношению ко всему населению число студентов в Конго больше, чем в Германии», – подумал я. Но он перешел на другую тему.

– Что будешь делать, если найдешь Гоголя?

– Не знаю. Сначала надо найти.

Резидентский «Пежо» подрулил к зданию Аэропорта. Галинин муж, аэрофлотовец Леша Скакунов, ходил кругами у входа:

– Регистрация уже кончается.

Он протянул мне билет:

– Уж не обессудь, только туристского класса.

Это лучше. Первый класс привлекает внимание.

Пройдя паспортный контроль, я сел на стул и стал ждать посадки.

Все ли я взял в резидентуре? Вроде бы все. О предстоящей поездке я не думал, будет время в полете. Просто закрыл глаза.

Около меня пара пожилых французов, муж и жена, кормили сэндвичем смешную рыжую собачонку. Ел пес с таким остервенением, что я не удержался:

– Какой он у вас прожорливый!

– Мы Сократа не кормили три дня, ведь его взвешивают как ручную кладь, – объяснила дама. – За каждый килограмм пришлось бы платить. Ну и теперь он кинулся на еду.

– Он уже привык к этому, – добавил супруг. – Теперь как видит самолет, от радости прыгает.

– Говорят, скоро людей будут взвешивать, – продолжила беседу дама. – Вы ничего не слышали?

Я пожал плечами.

Мимо нас важно проплыла очень полная дама. Моя собеседница и ее муж, оба очень худые, про таких французы говорят: «Могут пролезть между приклеенной к стене афишей и стеной», посмотрели сначала на нее, потом на меня. Мы, скорее всего, подумали об одном и том же и дружно засмеялись.

– Пойдем купим Сократу еще что-нибудь.

Они пошли к буфетной стойке. Радостный пес мчался впереди.

– Евгений...

Передо мной стояла Галина.

– Как ты сюда попала?

– Я жена представителя Аэрофлота.

– Спасибо, что приехала.

– Знаешь, зачем?

– Пожелать мне счастливого пути.

– И это тоже. А еще я сегодня вечером видела Рамона. Ничего нового он мне не сказал. Только то, что эту блонду, которая с Пичугиным разговаривала, зовут Лида.

– Русская? – удивился я.

– Нет, он говорит, не русская. Но зовут Лида. Ты теперь когда к нам?

– Не знаю.

– Не забывай. Я тебе еще пригожусь.

Я почему-то подумал, что в нашем ведомстве Галина продвинулась бы по службе быстрее, чем Боря Филин.

Глава третья От Парижа до Ливана

14. Париж

Самолет приземлился в новом парижском аэропорту в Руасси.

Добрых полсотни метров от самолета до аэровокзала пришлось преодолевать пешком. Рядом со мной бежал пополневший, но по-прежнему резвый Сократ. Потом несколько залов по дощатым настилам и узкая лесенка вверх.

Зал полицейского контроля. Всего одна кабинка. И большая очередь. Как нельзя лучше. Меньше внимания. И отлучиться полицейский не сможет.

Подхожу к кабинке, показываю общегражданский паспорт. Никаких вопросов. Штамп – и паспорт у меня в руках.

Но я знаю, моя фамилия есть в большом списке, и компьютер моментально сообщит о моем прибытии. Но у меня нет багажа, и я успею выйти из аэропорта до того, как они среагируют. К такси идти не надо. Таксиста потом найдут. Брать машину напрокат не буду. Если брать ее, нужно предъявлять водительские права.

Поэтому я воспользуюсь метро. Новый аэропорт связан с Парижем пригородной линией, здесь это называется РЕР.

Станция метро оказалась совсем близко, всего лишь пройти по строящемуся залу до терминала. Две минуты ожидания – и я в вагоне. Народу много, люди едут на работу в Париж.

– Северный вокзал.

Вместе с толпой выхожу из вагона. Длинный переход на пятую ветку, три остановки и у Маркаде-Пуассонье переход на двенадцатую ветку. Еле втиснулся в вагон.

Рабочий, плохо одетый утренний Париж. Очень много иностранцев. Через восемь остановок выхожу у вокзала Сан Лазар.

Поезд в Довиль отходит через сорок минут. В автоматической кассе покупаю билет до Довиля. В зале ожидания сажусь в кресло. Рядом пожилой человек читает «Фигаро». Он перелистывает газету, потом обращается ко мне:

– Баба – премьер и еще шлюха. Как вы на это смотрите?

Он тычет мне в лицо портрет Эдит Крессон, на той неделе Миттеран назначил ее премьером.

– Я привык рассматривать женщин под другим углом.

– Углом? – переспрашивает сосед. – Это хорошо. Под углом. Это даже очень хорошо. Я расскажу своей жене. Под углом.

Потом показывает на поезд.

– Вы читали? Американцы покупают у нас вагоны! Наши поезда будут ходить в Техасе. Вот тут, в «Фигаро»...

Он протягивает мне газету.

– А я думал, они еще ездят на мустангах.

Мы оба засмеялись.

Потом я вскочил:

– Чуть было не опоздал.

И кинулся к поезду.

Пустой вагон, в это время из Парижа мало кто едет. Я устроился в кресле и задремал. Минут через десять появился контролер. Я хотел показать ему билет, но он махнул рукой: «Не надо».

В десять минут одиннадцатого я уже в Довиле. У вокзала ни одного такси. Я дошел до центральной площади. Около углового кафе одиноко маячил старенький «Ситроен» с эмблемой «Т».

– В Онфлер отвезете?

– Садитесь.

Серпантинная дорожка вдоль моря. Таксист, португалец, к счастью, плохо говорил по-французски, и мы молчали всю дорогу. Через сорок минут я в Онфлере. Десяток прилепленных друг к другу пяти-шестиэтажных домов, выходящих на туристский порт.

– Остановите около Променад ан мер.

Я расплатился. Таксист, лихо развернувшись, уехал. Я остался один на площади.

Одно из двух: или они меня упустили еще в аэропорту, или я им нужен, как тот Неуловимый Джо, который был неуловим, потому что его никто не ловил.

15. Кики

Типографа надо искать в одном из художественных салонов на центральных улицах. Чаще всего он обретается там. Даже если сейчас его там нет, личность он известная, где найти, подскажут.

Салон «Эстюэр», галерея Пьера Бюше, галерея «Дофин». Захожу в первый попавшийся. Салон Дюме. У входа висит картина в желтых тонах с синим квадратом в центре, однако внутри, на удивление, картины, близкие к реалистическому стилю: люди на улицах, мальчик с кувшином. И хотя подобная манера живописи не соответствует вкусам того, кого я ищу, я, тем не менее, решил поинтересоваться у сидевшей в углу не по-французски ярко накрашенной дамы, то ли менеджера, то ли хозяйки:

– Базиль не появлялся?

Дама рассматривала небольшой натюрморт с желтыми цветами. Ответила, не поднимая глаз:

– Сегодня не видела.

– Где его найти?

– Дома.

– И где его дом?

– В Сан Блуа.

– Это далеко?

– Близко, но найти трудно. У вас есть машина?

– Нет.

Дама вышла из темного угла, и теперь я смог ее лучше разглядеть. Большие неподвижные глаза, строгий темный костюм.

– Я вам попытаюсь помочь. У моей, скажем так, племянницы, машина. И если малышка сейчас ничего не делает – а это ее естественное состояние – она вас туда довезет. Это действительно рядом.

– Я ей заплачу.

– Это ее обрадует.

Племянница оказалась шустрой девицей невысокого роста. Короткое полупрозрачное сиреневое платье плотно облегло удивительно ладную фигуру, огромные глаза странного бутылочного цвета занимали большую часть лица и делали его привлекательным, несмотря на то, что все остальное под стандарты конкурса красоты не подходило: особенно мясистые губы и курносый нос. Она сидела на веранде за мольбертом и, не торопясь, протирала лаком картину.

– Это наша Кики. Будущая художница. Но это будущее – не завтра.

Предложение прокатить меня в Сан Блуа привело будущую художницу в восторг:

– Машина тут, рядом.

Автомобиль непонятной марки очень давнего года изготовления стоял во дворе.

– Не новая, но никогда не подводила, – прокомментировала Кики.

– Бензина хватает?

– Заправимся.

Заправлялись при выезде из города. Кики пошла платить и вернулась с двумя порциями мороженого в конических вафельных стаканчиках.

– Теперь вперед.

Высочив на загородное шоссе, французская «Антилопа-Гну» не сразу, но уверенно набрала приличную скорость. На одном из ухабов ее подбросило вверх, и я ударился головой о крышу.

– Когда конструировали твой агрегат, рессор, скорее всего, еще не изобрели.

Кики все было нипочем:

– Ничего страшного. Машина не новая.

– Спасибо, хоть часы нормальные, не солнечные.

Кики хотела обогнать кургузый грузовичок, потом передумала.

– Правильно сделала, что не обогнала. Это грузовик похоронной компании.

– Верите в приметы?

– Бережного бог бережет.

Мы петляли по извилистым пригородным дорогам, минут пять ждали у светофора и наконец оказались перед комплексом из пяти зданий.

Офис Типографа размещался в современном трехэтажном здании, специально построенном под конторы. По широкой лестнице поднялись на второй этаж. Кики шла впереди как человек, хорошо знающий дорогу:

– Здесь.

И уверенно открыла обитую искусственной кожей дверь.

16. Топалов

Мужчина лет сорока пяти, в просторной цветной рубашке и джинсах, сидел за письменным столом и перебирал бумаги. Это и был Типограф, по паспорту Василий Георгиевич Топалов или, как он представлялся здесь, Базиль Топалофф. Увидав нас, он встал, поднял обе руки:

– Милости прошу. Милости прошу.

За три года, которые я его не видел, Топалов не изменился: то же загорелое лицо, та же привычка поднимать сразу обе руки, тот же легкий акцент, выдающий русского, не жившего в России, и тот же пробор в центре, как у лакеев из фильмов про прошлый век.

Родился он в Лондоне. Отец, бывший царский офицер, начал работать на советскую разведку еще в тридцатые годы. После войны ушел связник и отца перебросили сначала в другой город, потом решили вообще убрать подальше. Выбрали Францию.

Помогать отцу Базиль начал с детства, и, когда в середине пятидесятых отец умер, ему предложили продолжить дело, он согласился. Советской разведке Топалов пришелся ко двору. После десяти с лишним лет «поезжай туда, привези это» Москва перевела его на более спокойное место: снабдили документами, помогли купить на паях небольшую типографию. С детства он увлекался рисованием, в Онфлере стал завсегдатаем художественных салонов и, кроме всего прочего, посредником по продаже картин.

– Вас подождать? – спросила Кики.

– Погуляй на улице. Я скоро. Ты не торопишься?

Кики не торопилась и исчезла за дверью.

– Не желаете кофе? – Типограф был любезен и всем видом показывал, что спокоен и рад гостю.

– Пожалуй.

– Взгляните пока на мои произведения, – он показал на овальный стол в центре комнаты, где лежали пачки с визитными карточками.

Нет, он, пожалуй, изменился: похудел, черты лица стали грубее, взгляд какой-то нервный, глаза красные. Пьет, что ли?

Хозяин тем временем колдовал над кофеваркой. Начать деловую часть надо с пустяка, лучше всего со стандартного «есть ли к Центру вопросы».

– У вас есть к Центру вопросы?

– Есть.

Я насторожился.

– Я хочу свернуть дело. И уехать.

Ничего себе начало! Представляю, как возрадуются мои начальники!

– Куда?

– Куда-нибудь подальше. У меня есть южноафриканский паспорт.

Такой оборот был неожиданным и, хотя сам факт меня особо не волновал – пусть болит голова у начальства, я прокручивал, как это отразится на моем задании.

Я подошел к окну, посмотрел во двор.

– Тихо у вас здесь.

– Да, спокойно. Ну так как?

– Я проинформирую центр. Однако вы понимаете, что это ваше желание не освобождает вас от обязанности выполнять распоряжения центра.

– Да, да, конечно, – засуетился он. – У вас ко мне дело? Или так, проездом? Я всегда готов.

Трясутся руки, нервничает.

– Есть дело.

Он замер с кофейником в руках, всем видом показывая, что весь – внимание.

– Здесь можно говорить?

– Да, да, – заюлил он. – Но, если хотите, выйдем на улицу.

– Не надо. Дело не ахти какое секретное. Мне нужно срочно встретиться с кем-нибудь из марксистов-нонконформистов.

Он среагировал сразу:

– Увы, помочь не могу.

– Я не прошу украсть «Джоконду». Я прошу найти людей, которых вы знаете.

– Украсть «Джоконду» было бы проще. И безопаснее.

– Как раньше вы с ними связывались?

– Я никогда с ними не имел дела.

– Но вы знаете об их существовании?

– Я о них слышал.

– О ком конкретно?

– Только о Вальтере.

– Он такой умный?

– Он бандит.

– У вас хорошая компания. О ком еще?

– Он не входит в мою компанию.

– О ком еще?

– Всё. Больше никого не знаю.

– А если я вам не поверил?

– Вы как-то мне сказали, что, если я попытаюсь вас обмануть, мне не будет смысла ходить к гадалке по поводу даты моей смерти.

«А он еще комедию ломает!» – разозлился я.

– Послушайте. Вы знаете Вальтера, а я нет. Но хочу узнать. И хочу не по собственной воле. Я догадываюсь, что это не тот человек, с которым приятно проводить время. Но у меня задание. Которое мы с вами... мы с вами должны выполнить.

– Да уж, проводить с ним время... Это мало приятно, – Топалов вертел в руках чашку, потом принялся расставлять чашки на подносе.

«Ну ладно, – решил я. – Посмотрим, как ты держишь удары ниже пояса».

– Хорошо. Вернемся к вашей просьбе. Вам придется перед поездкой «куда-нибудь подальше» заглянуть в Москву.

Удар пришелся в самую цель: меньше всего на свете агенты любят поездки в Москву.

Испугался он не на шутку:

– Но я...

– Погода в Москве сейчас отличная. Отдохнете. – Я постарался, чтобы это «отдохнете» выглядело как можно более зловещим.

– Я привык выполнять задания, но это...

– Это вы объясните в Москве.

– Но с точки зрения безопасности...

– Ничего страшного. Это раньше не любили приглашать, боялись засветить. А теперь нас так все любят, что, если ни разу у нас не был, уже подозрительно, не шпион ли. Значит, в Южную Африку собираетесь?

– Нет. Туда с южноафриканским паспортом не сунешься. Куда-нибудь в Латинскую Америку.

– Южная Америка – это хорошо! – я мечтательно вздохнул. – На всякий случай лет десять в Европу не стоит показываться.

– Что я здесь потерял!

– Соскучитесь. Ностальгия.

– Ностальгия – болезнь людей, у которых много свободного времени.

Он разлил в узкие прозрачные чашки крепкий на вид кофе, положил на край стола салфетки, поставил чашки на стол.

– Так когда я встречу с Вальтером?

– Я не могу вам помочь.

– Хорошо, если не Вальтером, то с Лидой.

– Я такую не знаю.

Знает. И Вальтера знает, и Лиду. Если наши послали к нему, значит, он имеет к ним ходы. Или имел.

– Ну если вы не знаете Вальтера, то вам придется узнать. Иначе вам придется задержаться в Онфлере. Надеюсь, вы это понимаете.

– Понимаю. Но действительно нет возможностей... Хотя... Может быть, есть один путь... Маленький такой, просто тропочка.

– И что это за тропочка?

– В Довиле есть ливанский ресторан. Он так и называется «Ливан». Хозяин этого ресторана некто Рикошет. Он сможет вывести вас на людей, связанных с Вальтером.

– Понял. Я к нему завтра приду и скажу: «Рикошет, Рикошет, познакомь меня с Вальтером». Он обрадуется и кинется искать Вальтера.

– Нет, нет, – Типограф замахал руками. – Я постараюсь все устроить. Конечно, не гарантирую, но...

Я не очень верил, что этот Рикошет выведет меня на Вальтера, но предложение Типографа меня устраивало: я доложу начальству, что Типограф взялся за поиски Вальтера, а получится – не получится, это уже другая история.

– Думаю, план подходящий. Приступайте. Только не вздумайте смыться до разрешения центра.

– Нет, нет. Типографию надо продать. Предположим, покупатель у меня есть. Но нужно время на оформление. Можно доверить процесс адвокатам. Но это будет связано с потерями.

– Вы профессионал. Вы должны уметь быстро уезжать.

– Семейными фотографиями я не обзавелся.

– Берегитесь совершать необдуманные поступки. Иначе ваша фотография останется только у нас в вашем личном деле.

Пугливых людей надо пугать. Иначе они осмелеют. А у меня было такое чувство, что этот Базиль слиняет и без нашего разрешения. И ничего мы тут не поделаем. Время сейчас такое. Только вот откуда у него деньги... Сколько стоит типография, я знаю. Знаю, что прожить без нас он не сможет.

– Я свяжусь кое с кем. Потом вам позвоню. По какому номеру?

– Все будет наоборот. Вы мне напишете номер, по которому я вас найду.

Он снова засуетился:

– Хорошо, хорошо.

Написал цифры на листке, протянул мне:

– Когда вы позвоните?

– Когда сочту нужным. Но поторапливайтесь.

В машине я спросил Кики:

– Ты часто здесь бывала?

– Нет. Второй раз. На той неделе возила сюда Вальтера.

17. Кики

– Вальтера? – я обалдел. Вот тебе и поворот! – Ты знаешь Вальтера?

– А кто его не знает!

– Я, например.

– Ну, тогда вам спокойнее.

– А кто он?

– Вы травкой интересуетесь?

– Нет.

– Ни для себя, ни для продажи? – в голосе Кики явственно прозвучали нотки недоверия.

– Ни для себя, ни для продажи.

– А зачем тогда вы к этой Екатерине ездили?

– К какой Екатерине? – удивился я.

– А к этому Базилу. Мы его Екатериной зовем. – И, не ожидая вопроса, начала рассказывать. – Он всем уши прожужжал, что он каких-то знатных кровей. Царских. Как-то сказал, что в родстве с Екатериной, русской царицей. Ну, мы его после этого и стали звать Екатериной. Вы ведь тоже русский? Да? – И снова не дождалась ответа. – Скажите, для вас важно, каких он кровей?

– Нет.

– И для меня тоже. – Она захохотала. – А вот моя тетя его почему-то называет гордым козликом.

– По-моему, он осел. Упрямый и напыщенный.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Кики.
– А что, он тоже по травке? – заинтересовался я.
– Вы правда не знали?
– Ну да. Он обещал пристроить несколько картин.
– Это он может, – согласилась Кики. – Здесь на него стоит положиться.
– А если я захочу найти Вальтера, ты мне поможешь?
– И не дав ей времени спросить, зачем мне нужен Вальтер, стал объяснять: – Он недавно был в Африке и привез оттуда статуэтку из очень ценного дерева. Она представляет художественный интерес. Словом, мне нужна эта статуэтка.

Кики недоверчиво покачала головой:

– Вот уж не думала, что Вальтер интересуется статуэтками. Не похоже на него.
– Тем не менее это так. Он приехал из Африки несколько дней назад и...
– А вот и не так, – оборвала Кики. – Несколько дней назад в Африке он не был. Я его видела три дня назад.
– Ну, значит не он, но статуэтка у него. Ты сможешь с ним встретиться?
– Нет. Он появляется и исчезает. А если узнает, что я им интересуюсь, мне нужно запасть местом на кладбище.
– Ладно, убила. Тогда другой вопрос. Ты знаешь Лиду?
– А кто ее не знает! Эй-эй! Вот она действительно куда-то уезжала на пару недель. И говорили, что в Африку.

Я обрадовался:

– Значит, мне нужна именно она.
– Нужна?! – удивилась Кики. – Интересно, для чего она вам нужна?! Хотя...
– Как ее найти?
– Очень просто. Она с утра вертелась около нашего салона и спрашивала Амалию. Значит, в три часа будет у нее.
– Кто такая Амалия?
– Фармацевт. Работает в госпитале.
– И зачем она Лиде?
– Догадайтесь.
– А ты подскажи.
– Амалия любит девочек.
– Понял: и Лида любит девочек.
– Какой вы недогадливый! Лида не любит девочек. Лида любит мальчиков, и часто любит. А еще она любит травку.

– И за травку не отказывает Амалии в любви неземной, – предположил я.
– А вот и нет! У них коммерческие отношения. А теперь попробуйте догадаться, где найти Лиду, если я вам подскажу, что Амалия начинает работать с трех часов, а Лида ее ищет с утра.

– В госпитале в три часа.

– Догадались.

– Едем?

– Едем. Только я вас довезу до госпиталя – и все. Дальше сами. Мадам Высокая табуретка будет недовольна, если меня не будет во время беседы с толстым покупателем. Я помогаю продавать картины. Особенно, когда у меня случайно поднимается юбка.

– Мадам Высокая табуретка – это твоя тетя.

– Да. Впрочем, она такая же моя тетя, как и ваша.

– А почему Высокая табуретка?

– Расскажу при следующей встрече.

– Как я узнаю Лиду?

– Да ее нельзя не узнать. Если вы увидите девицу и не поймете, где у нее перед, где зад, так это она. Поэтому ориентируйтесь на туфли. Где носки – там должно быть лицо. Лицо... Ничего значительного. Если бы я ее рисовала, я бы просто сделала кружок и заштриховала его полосками. Собственно говоря, у нее нет лица. Но то, что должно им быть – далеко от ног, очень далеко.

– Она высокая?

– Как столб. И не пытайтесь найти, где у нее груди. Грудей у нее нет.

– Да мне-то вообще... – начал я объяснять.

Кики меня прервала:

– Но осторожно! Она умная. И опасная. Не удивлюсь, если узнаю, что она в туалет ходит с гранатой.

– Кики. Как твое полное имя? Клодина?

– Нет. Анжелика.

– О! Mon amour c'est toi. Jour apres jour et pour toujours, Angelique, – пропел я куплет песенки Видаля. (Ты – моя любовь. День за днем и навсегда, Анжелика)

– Bravo! – похвалила меня Кики. – Теперь вы понимаете, почему меня зовут Кики.

Я не понял, почему это так, но решил не спрашивать. Девчонка мне нравилась. Кроме того, очень удобно по крайней мере несколько первых дней пользоваться ее машиной. На такси быстро примелькаешься.

– Я с тобой хочу расплатиться.

– Давайте так. Сначала я буду говорить, что никаких денег мне не надо, что мне и так было приятно в вашем обществе и вообще деньги меня обидят. Вы будете меня уговаривать. Потом вы меня убедите, и я возьму сто франков.

– А если мы поступим иначе? Отбросим всю первую часть. И я тебе дам пятьсот франков.

– Когда девушка берет такие деньги – а девушки в моем положении чаще всего берут такие деньги – они хотят знать, за что им платят.

– За работу таксистом. И сегодня, и завтра.

– Ясно. Куда сегодня подать машину? Вот телефоны, по которым меня можно найти.

Она вытащила из бардачка бумагу, написала два номера и протянула мне.

– Мы приехали. Поднимитесь на второй этаж, а там у кого-нибудь спросите.

Я поцеловал ее в щеку и вышел из машины.

– Пойдите, – окликнула она. – Если около нее будет Вальтер, то вспомните олимпийскую чемпионку Бруно Мари-Роз. С места стометровку с препятствиями и в любом направлении.

– Как я его узнаю?

– Рожа как у Нерона на картине Веласкеса. И ходит как баба, у которой того гляди оторвется последний крючок на бюстгальтере.

18. Лида

Широкая мраморная лестница привела меня на третий этаж. Спросить, где аптека, было не у кого. Наконец появилась старуха в короткой серой юбке. Она сначала удивилась: никакой аптеки в госпитале нет. Потом, подумав, спросила, не нужно ли мне то отделение, где выдают лекарства. Я подтвердил. Она указала на дверь в конце коридора. Я прошел коридор, открыл дверь и попал в зал, где за стеклянной стеной увидел женщину в белом, разговаривающую с другой дамой в длинном, почти до полу, лиловом платье.

Потом женщина в белом ушла, дама в лиловом платье села на стул и стала ждать. Через пару минут первая вернулась и дала ожидающей пакет. Через стеклянную дверь я наблюдал за обеими. Ну, конечно, дива в лиловом и есть Лида. Я дождался, пока она, угловато кивнув

головой, повернулась и быстро засемила вдоль коридора. Я ринулся следом. Когда я выскочил в коридор, длинное платье мелькало уже метрах в десяти.

Лида почти бежала, безошибочно ориентируясь в больничном лабиринте. Вдруг она толкнула незаметную с первого взгляда дверь и нырнула внутрь. Я убыстрил шаг, проскочил через ту же дверь и оказался в темном узком проходе. Впереди открылась еще одна дверь, стало светло, я понял – дальше улица. Через минуту я уже шел за Лидой по безлюдному, усаженному высокими деревьями переулку где-то позади госпиталя. Догнав ее, резко схватил ее за плечо. Она остановилась не вздрогнув.

– Как тебя зовут?

– Меня? А вам зачем?

Теперь я увидел, что она еще совсем молодая. Бесформенное платье мешком болталось на тощем теле. Лицо было настолько блеклым и невзрачным, что я сразу вспомнил Кики: круг, заштрихованный полосками.

– Либо ты скажешь свое имя, либо мне придется отвести тебя в полицию...

– Меня зовут Лида.

– Не пытайся бежать, а то мне придется сбить тебя с ног.

– А я и не бегу.

– Быстро отдавай порошки!

– Какие?

– Не притворяйся. Ты только что получила порошки.

– Я ничего не получила, – ее длинные руки тряслись, она ничего не могла с ними поделывать: то прятала за спину, то подносила к щекам.

Я поднял руку. Девушка сжалась, запищала:

– Не надо.

– Послушай, девочка, или ты сейчас отдашь порошки, или...

Лида вытащила из кармана пакет и жалобно запищала:

– Но это для больного мужа.

– Врешь.

– Я боюсь, когда меня бьют, но вы можете меня бить, все равно не скажу, кто мне их дал, – причитала она, растирая лоб ладошками. Я удивился: при таких длинных руках у нее оказались совсем маленькие ладошки.

– Не хочешь, не говори. Я знаю, кто тебе дал порошки. Мне интересно, почему ты привезла наркоту из Африки, а сама через день начала искать порошки.

Девушка по-прежнему тряслась.

– Хочешь кофе?

– Хочу, – по-детски серьезно ответила она.

– Идем в кафе.

Она удивилась:

– Вы мне оплатите кофе?

Я в первый раз обратил внимание на ее широко расставленные, голубые глаза. Она удивленно посмотрела на меня и быстро отвела взгляд. «А глаза у нее красивые», – подумал я.

Я взял ее за руку, потянул за собой, ладошка была мягкой и влажной от пота. Она шла, не сопротивляясь, семеня тонкими ногами. Через несколько минут мы уже сидели в крошечном, на три столика, перекусочном заведении.

– Обоим кофе и девушке сэндвич.

Хозяйка, краснощекая толстуха в синем фартуке, кивнула.

– Так зачем тебе порошки? Вы что, из Африки ничего не привезли?

– Привезли. Да вот таможня... Мы сразу поняли. И не стали брать багаж.

Хозяйка принесла кофе и сэндвич. Лида чинно взяла сэндвич с тарелки и принялась перемалывать его со скоростью кофемолки.

– И ты теперь без зелья?

Лида продолжала заниматься сэндвичем. Потом, когда с ним было покончено, уставилась на меня:

– Я хотела попросить вас купить мне еще сэндвич, а теперь не буду.

– Почему?

– А потому, что вы меня отведете в полицию, а там сначала избьют, а потом накормят.

– В полицию я тебя не отведу.

– Не отведете?

– Не отведу.

– Знаю. Догадалась. Не дуручка, – неожиданно кокетничая, заверещала Лида. И вообще вы не местный.

– Верно, не местный. Я из Южной Африки, из отдела по борьбе с наркотиками. Знаешь, как у нас допрашивают? Пытки третьей категории.

– Во-первых, если вы не местный, я имею право не отвечать на ваши вопросы. А во-вторых, от кого я получила порошки, я все равно не скажу. Вы и ваши гориллы можете затащить меня в какой-нибудь дом, там пытать и убить.

«Обычно женщины добавляют в таких случаях “и изнасиловать” но эта, очевидно, невысокого мнения о своих женских достоинствах», – отметил я про себя.

– Несмотря на то, что ты смотришь на мир несколько пессимистически, направление мыслей у тебя верное.

– А почему не пессимистически? Вот вы, такой красивый, вроде бы добрый, сэндвичем угостили, вежливо разговариваете, а потом: «пытки третьей категории». Эх вы! – Она уткнулась в кофе и, судя по всему, приготовилась плакать.

«Неврастеничка, с ней надо осторожно», – решил я.

– Послушай. Я не хочу ничего плохого ни тебе, ни твоим друзьям. Мне только нужна информация. Небольшая информация.

– Ну. так вежливо и спросите.

– Про тебя говорят, что ты в туалет с гранатой ходишь.

– Чтобы туда ходить, надо есть, а у меня это не каждый день получается.

– Не стыдно такое говорить мужчине?!

– Стыдно. И стыдно, что начала обращаться к вам на «ты». Было бы лучше называть вас по имени. Но вы ведь не скажете мне своего имени?

– Догадалась.

– Тогда я вас буду называть просто «русский, который отобрал у меня порошки».

– Русский? – обомлел я.

– У вас характерные ошибки. Я изучала в университете русскую литературу. И люблю Достоевского. У меня и имя русское. Я сначала хотела быть Соней. Как Соня Мармеладова. Потом встретила одну плохую Соню. А имя Лида тоже русское и красивое. Правда?

– Правда, – я счел за благо обмануть. Сестру моей бывшей жены звали Лида, и ничего красивого в этом имени я не находил.

– Когда ты догадалась, что я русский?

– С первых минут. Я не такая уж дуручка. Южная Африка, Южная Африка... Я все понимаю. Все-все понимаю. Вас интересует Пичугин. Вы из КГБ.

– Ладно. Пичугин меня... лично меня не интересует. Меня не интересует, как и почему вы ему помогали. Меня интересует только одна вещь.

Я замолчал. Молчала и Лида.

Я подозвал хозяйку:

- Что у вас на обед?
- На основное – рагу или тефтели с картофельным пюре. А сначала салат.

Я повернулся к Лиде:

- Ты что любишь? Рагу или тефтели?
- Тефтели.

- Тогда, пожалуйста, тефтели, два бокала красного и мне кофе.
- Меня вообще-то зовут не Лида, а Алеида. Но Лида как-то удобнее.
- Алеида? Ты что, арабка?

Лида фыркнула:

- Странно такое от вас слышать! Хотя вы все там уже не такие. Алеида – дочь Че Геварры.

И кто вас интересуется?

- Не кто, а что. Пичугин увез с собой статуэтку. Я хочу узнать, у кого она.
- Чтобы отнять.
- Чтобы купить.
- Это дорого.
- А ты знаешь, что за статуэтка? – обрадовался я.
- Знаю.
- А я нет.

Лида не удивилась:

– Значит, вы только пешка. Странно. А такой солидный... Хотя, если бы вы были пешка, вы бы не признались. Пешки не признаются, что они пешки. Значит, вы или начальник или... честный человек. Почему вы начали с меня?

– Я боюсь твоих напарников. Твой главный может меня живо без разговоров... – я провел рукой по шее.

– О ком вы?

– О том, кто ходит как баба, у которой расстегнулся бюстгальтер.

– Вы его знаете? Верно. Точно так он и ходит! – Лида вдруг расхохоталась по-детски звонко. Голова у нее затряслась, и нечесанные кудряшки поднялись чертиками. Потом, не моргая, уставилась на меня. – Он сутулый. У него больные легкие. А что касается... – она повторила мой жест рукой по шее. – Он не убьет. Раньше, верно, мы могли на всякое пойти. А теперь нет. Время не то.

– Так что это за статуэтка?

– Ну что вы пристали: статуэтка, статуэтка... Дело не в ней, а в том, что внутри нее.

– И что там?

– Догадайтесь.

– Алмаз?

– Верно.

– Необработанный?

– Ну да.

– Кому он принадлежит? И где он?

– Почему я должна вам все рассказывать?

– Ты меня полюбила.

– Пока нет.

– Авансом.

– Ладно. Пичугин где-то достал алмаз. Огромный. И отдал его нам. Мы ему организовали отъезд. Он нам помог провезти алмаз, у него дипломатический паспорт.

– Но алмаз надо еще обработать.

– Точно.

– И где он сейчас?

- У одного человека.
- Почему вы его отдали? Вам нужны деньги?
- Чего спрашивать, если знаешь ответ.
- Как найти этого человека?
- Просто. В Довиле. Это рядом. Но вы его не найдете.
- Помоги.
- Порошки отдадите?
- Отдам.

Лида подумала:

– А я вам и вправду помогу. Мы заинтересованы, чтобы кто-то купил этот алмаз. Его трудно продать. Он не отшлифованный.

– И ты заплатишь?

– Заплачу.

– Не удивил.

– А ты меня удивила. Я думал, что ты другая.

– Какая?

– Будешь кричать «Че Геварра!» и убеждать меня в необходимости мировой революции.

– Я и была такой. Но теперь другое время. Время прошло, а вы в Москве ничего не заметили. И вообще вы очень старый.

– Старый? Ишь ты! – я даже обиделся.

– Конечно, старый, – вызывающе подтвердила Лида. Ей явно нравилось, что теперь она ведет разговор.

– Значит, я тебе не нравлюсь.

– Я этого не говорила.

– Про тебя говорят, что ты лесбиянка.

– А если про вас скажут, что вы любите мальчиков, как вы докажете обратное?

– Мыслишь ты логично.

– Я изучала логику. Три года в университете... Я только потом...

– Стала колотья, – подсказал я.

– Ничего вы не понимаете. И не поймете. – Голос у нее упал, она снова стала бесцветной.

Хозяйка принесла салат и два бокала вина. Лида взяла большую вилку и принялась за салат. Ела она только помидоры.

– Ты остальное не ешь? – удивился я.

– Ем. Все по очереди. Сначала то, что не очень люблю. А что больше нравится, оставляю на потом.

– А где статуэтка?

– Вместе с алмазом. Она вроде шкатулки для алмаза. Вообще-то статуэтка интереснее алмаза. Только ее не купят. А нам нужны деньги. Вы видели статуэтку?

– Нет. Но знаю, что это статуэтка мужчины с длинным носом.

– Так вы ничего не знаете! – обрадовалась Лида. – Это не просто мужчина. Это Гоголь.

– Ты знаешь, кто такой Гоголь?

– Представьте себе. И читала «Мертвые души».

– Так ты мне можешь найти человека, у которого статуэтка?

– Я ему скажу, что вы хотите его увидеть. А дальше он решит сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.